

Красноярский рабочий 15.08.1989

СДАТЬСЯ — ЗНАЧИТ ПРЕДАТЬ

Мы познакомилась с Марией Иосифовной Фалькович в Минусинске. Совершенно случайно. Командировка — это всегда много встреч, новых людей. В разговорах нет-нет да и мелькала ее фамилия. Стереотип воображения тотчас нарисовал женщину средних лет, полную сил и энергии, которой до всего есть дело, даже до публикаций в молодежном журнале «Юность».

Когда инструктор идеологического отдела горкома партии П. П. Медведев стал договариваться с Марией Иосифовной о встрече (а разговор велся по телефону), она выразила живую готовность поехать хоть сейчас, но тогда увидаться не удалось, и мы заехали к М. И. Фалькович на следующий день, ближе к вечеру. Эта встреча поразила меня еще больше, потому что «энергичной средних лет женщине» было уже за 85. Но, честное слово, язык не поворачивается назвать ее старушкой. В маленькой комнатке на стенах фотографии дорогих ей людей, на рабочем столе — письма, свежие журналы, и политические и художественные, ленинские работы с пометками. Мария Иосифовна до сих пор страстно, другого слова и не подберешь, читает Ленина.

Она 65 лет в рядах КПСС. И мне кажется, именно такими людьми, как она, сильна партия. Было бы их побольше, кто знает, как бы повернулось дело...

Долгий это был разговор и трудный. Ей, побывавшей в аду, были ясны и понятны истины, недоступные многим из нас. Как можно остаться честным человеком, попав в условия, где, кажется, только ложь и предательство могут спасти, как можно верить в справедливость, если рухнуло самое дорогое, если те, кому верил, оказались палачами, как вообще можно жить, если перечеркнуто все? Как?.. Вереница этих вопросов нескончаема. Но я не стала задавать их Марии Иосифовне, просто сидела и слушала ее рассказ, а диктофон подробно записывал горькую летопись одной человеческой жизни, вмещившей в себя столько боли и слез...

В НОЧЬ НА 11 ИЮНЯ 1937 года в Киве была арестована половина членов парторганизации, много беспартийных. Всех их оклеветал секретарь обкома Кудрявцев. Арестовали тогда и моего мужа С. А. Светова, работавшего начальником Главлита Украины, а также моего брата, коммуниста с 1918 года бывшего начальника политотдела 58-й Краснознаменной дивизии. Тогда он работал начальником главка тяжелого машиностроения. Муж сказал на прощание:

— Я ни в чем не виноват. Пусть дети запомнят меня таким.

Это была его последняя воля, и я не могла ее нарушить. Состояние мое можно представить: одна с двумя детьми, Юре шесть лет, Неле два годика. А в то время я еще и третьего ждала. На всех нас сразу же поставили клеймо «семья врага народа». Из квартиры нас выселили, меня освободили от руководства школой пропагандистов. А поскольку на всех партсобраниях и на бюро райкома партии я защищала мужа, отвергая все, что ему приписывалось, меня исключили из рядов ВКП(б) с формулировкой «За упорную защиту врага народа». Воспитательница в детском саду не разрешала ребятишкам играть с Юрой, говорила: «У него отец троцкист». Жить было не на что. Я продавала книги, чтобы хоть как-то прокормить детей. На меня столько горя свалилось, что от всех этих тревожных наступили преждевременные роды. Нас стало четверо. Верите ли... Я желала смерти своему ребенку. Я не знала, какие страдания уготованы нам судьбой, но в том, что они будут, не сомневалась. А ребенок выжил! Цепкая такая девочка оказалась. Когда Галочке исполнилось две недели, меня вызвали в НКВД. Следователь сказал, что меня уважают в городе как преданного партии человека, поэтому необходимо подписать заявление, в котором говорится о том, что мой муж террорист и контрреволюционер, что я знала об этом, что я каюсь и так далее. Я так возмущалась, даже не стала скрывать этого.

— Ничего, подпишешь все, заставлю подписать, — заявил следователь. Он поставил меня лицом к стене и, не забыв пригрозить расстрелом, начал ос-

корблять меня самыми последними словами. Я молчала. Тогда он перевел меня в комнату без окон, всю в красных и зеленых бликах. Это ужасно действовало на зрение и психику.

— Будешь сидеть здесь, пока не напишешь. Ребенок останется у соседки, кормить его я тебе не позволю, и он умрет. Ясно?

Мне ничего другого не оставалось, как сказать ему:

— Клеветать на человека, в которого я верю, с которым делила радость и горе, я не буду. Делайте со мной что хотите. Но правда все равно восторжествует, рано или поздно...

— Ты что, обвиняешь органы НКВД в фальсификации документов?

Но он так ничего от меня и не добился. Я с пятимесячной Галей в числе многих сотен жен «врагов народа» отправилась на восемь лет под строгий надзор в район Томска.

ЦЕЛЫЙ ГОД Я ПРОВЕЛА в изоляторе на окраине Томска. Тысяча женщин и сорок детишек до годовалого возраста жили в таких условиях, какие и здоровый мужчина не всегда вынесет. Это был удивительный изолятор. Среди нас были жены Бухарина, Якира, сестра Тухачевского, много женщин, занимавших до ареста видные посты в стране, прозаики, поэты, известные врачи. Мы поддерживали друг друга, лечили, но мы были полностью лишены общения с внешним миром и видели перед собой только вышки.

О пытках, о тяжелейших условиях уже столько написано, что действительно иногда думаешь: как выжили-то? Мы верили. Мы не просто хотели выжить, мы хотели быть полезными Родине. Женщины занимались гимнастикой, а каза-...
...Меня с ребенком привезли на станцию Яя Кемеровской области в лагерь, здесь мы и провели долгие восемь лет. Здесь и пошла в детский садик моя дочка, в лагерный детсад. Нас, политических, поместили в барак с нарами в два этажа, и мы начали работать на швейной фабрике, где шилось обмундирование для командного состава Красной Армии. Был конец сорокового года, приближалась война. И вот она грянула.

Условия стали еще более жесткими, хотя и раньше-то наша жизнь за колючей проволокой была не сахарной. Работали в три смены. Если кто-то не выполнял норму, он не получал положенные 400 граммов хлеба. Но мы знали, что работаем для фронта, и это давало силы. У нас было развернуто соревнование, после каждой смены подводились итоги. Мы организовали свой оркестр, театр, даже пьесы ставили. На фабрике швейные машины часто выходили из строя, специалистов по их наладке не хватало. А я быстро научилась регулировать свою машину и стала помогать другим швеям. Зскоре работницы попросили администрацию назначить меня механиком машин. Я не уходила со смены до тех пор, пока не была уверена, что оборудование исправно и люди смогут заработать свои 400 граммов.

МЫ ДЕРЖАЛИСЬ ИЗО ВСЕХ СИЛ. Но тем не менее мы считались лагерьем умирающих. И кто знает, что было бы со многими из нас, если бы на смену начальнику-извергу не пришел Толмачев. Он не побоялся поставить руководству почти фантастические условия: ежедневно проводить вечер стахановцев с ужином и созданием обстановки воли, провести для политзаключенных поочередно двухнедельное лечение в профилактории с обилием хлеба (1 кг в день), возможного количества мяса и других продуктов, по четвергам открывать ворота лагеря с 12 до 17 и предоставлять возможность давать вещи освобожденным «пятилеткам», еще приходящим на работу в зону, для обмена на продукты.

Мы, страдавшие цингой, а я пеллагрой, стали понемногу оживать. Толмачев спас лагерь от вымирания. И все же здоровье мое ухудшилось. Я чахла, опухала. Меня по состоянию здоровья «актировали», и в июне 1944-го я с дочкой (ей было уже шесть лет) вышла на волю. Нас отправили в Томск, там оказались родители мужа и моя вторая дочка Неля, ей исполнилось девять лет. Они-то и сообщили мне горестную весть: фашисты расстреляли в 1941 году моих родителей и десятилетнего Юрочку как семью коммунистов. Вот осталась от него только эта фотография.

Жить в Томске мне запретили, пропи-

ски не дали и велели в милиции срочно покинуть город. Тогда я пошла в НКВД — будь что будет! — и потребовала: «Вы меня арестовывали, вы меня и устраивайте на работу». И, знаете, устроили: направили механиком машин в детскую воспитательную колонию имени Ф. Э. Дзержинского. Там я проработала 14 лет. И, конечно, не столько с машинами возилась, хотя и такой работы хватало, сколько с мальчишками. Очень уж хотелось, чтобы пусть не все, но хоть некоторые вышли отсюда людьми. Рабочий день меньше десяти часов я что-то и не припомню. Люди ценили меня, даже на Доску почета выдвигали, но перестраховщики каждый раз снимали мою фотографию, а коммунистам, которым я по их же просьбе объясняла основы марксистско-ленинской философии, объявляли взыскания. Правда, те же самые перестраховщики, когда надо было подписаться на заем, просили меня подписаться на 110 процентов: за тобой, мол, и другие пойдут. Я терпеливо переносила все и продолжала считать себя коммунистом, только без партбилета. Но было невыносимо видеть, как страдают мои дети. Когда Неле принимали в комсомол, поднялся сын оперуполномоченного и сказал: «Не принимать ее в комсомол как дочь врага народа». Но против этого предложения выступила пионервожатая, и дочка стала комсомолкой. Это была маленькая, но победа. А в 1955 году Томским обкомом КПСС я была восстановлена в партии, получила право на пенсию, но продолжала работать. Тринадцать лет на общественных началах заведовала парткабинетом на Томской ГРЭС-2, потом четырнадцать лет — на Минусинской перчаточной фабрике. Муж и брат, расстрелянные органами НКВД, реабилитированы и посмертно восстановлены в партии...

СЕЙЧАС МНОГИЕ сомневаются: надо ли ворошить прошлое. Надо! Еще как надо... Для того, чтобы восстановить правду о честных людях, для того, чтобы не повторилось такое.

А про себя одно могу сказать: пока сердце мое будет биться, я с ленинского пути не сверну. Думаю, я это уже всей своей судьбой доказала.

Записала А. ВИНСКА

Минусинск.